

Вслед за гулким эхом шагов в дверях показался высокий сухопарый мужчина. Он вошёл в зал уверенной, властной походкой; он хищно вскинул густые брови к вискам, а во взгляде, остром, как у сапсана, читалась непоколебимая воля. Одет он был в торжественное тёмно-красное одеяние с вышитыми питонами, поверх которого набросил тёмную накидку с облачным узором. Его облик, дополненный сапогами из тонкой оленьей кожи, дышал мощью и величием прославленного воина.

Сян Динтянь лишь на краткое мгновение задержал взгляд на Сян Тянью, прежде чем переключиться на Чи Шэня. В ту же секунду мальчик почувствовал, как на него обрушилась тяжёлая, почти осязаемая волна силы. Казалось, за спиной этого человека стоят тысячи легионов; воздух вокруг Чи Шэня пришёл в движение, завихрился, едва не сбивая с ног.

Чи Шэнь судорожно вдохнул, борясь с непроизвольной дрожью в коленях. Несмотря на подступающий страх, он мёртвой хваткой вцепился в край стола, удерживая равновесие, и, собрав всю свою волю, ответил Сян Динтяню прямым, немигающим взглядом.

Заметив это, Сян Динтянь одобрительно усмехнулся. Он перевёл взор на Дао Цзуна, и в его глазах на миг промелькнуло едва заметное замешательство — он словно пытался разгадать тайну, скрытую за обликом старика. Наконец он снова посмотрел на Сян Тянью.

— Шесть лет назад мой сын покинул этот дом, не проронив ни слова, — заговорил Сян Динтянь звучным, глубоким голосом. — И вот теперь ты возвращаешься столь стремительно, требуя личной встречи с отцом. Твой напор заставляет меня беспокоиться. Но всё же, прими этот чай, утоли жажду. Надеюсь, ты остудишь свой пыл и проявишь милосердие в делах, за которыми пришёл.

В каждом слове маркиза сквозила тонкая ирония, смешанная с желанием прощупать почву. Сян Тянью, ничуть не изменившись в лице, спокойно улыбнулся:

— Слова отца могут навести случайного слушателя на мысль, будто я явился сюда с дурными намерениями. Шесть лет назад неблагодарный сын поддался порыву юношеской гордости. Устав от упрёков в никчёмности, я отправился странствовать по свету, чтобы закалить дух и обрести мастерство. Теперь, достигнув некоторых успехов, я вернулся, чтобы в первую очередь послужить вам и всему нашему роду. А что до моего поспешного бегства... Прошу вас проявить великодушие и простить мне ту детскую глупость.

Стоящий за спиной маркиза управляющий Цзы Хэн едва заметно изменился в лице. Он лихорадочно сравнивал нынешнего Сян Тянью с тем пятым молодым господином, которого помнил, и не находил почти ничего общего, кроме внешнего сходства.

— Ха! Настоящий мужчина должен быть опорой небес, а его амбиции — не знать границ, — рассмеялся Сян Динтянь, принимая правила игры и отвечая ударом на удар. — Глядя на тебя, я вижу, что твои братья явно уступают тебе в решительности. А кто эти двое за твоей спиной?

— Один — лишь слуга, подобранный мной в пути, он не стоит внимания, — непринуждённо

ответил Сян Тянью. — А этот ребёнок... Я спас его из рук работорговцев. Мальчику было некуда идти, и за время наших странствий я привязался к нему настолько, что признал своим братом.

Эту легенду они продумали заранее, чтобы не навлекать беду на Ван Течжу и его семью.

— Вот оно как, — Сян Динтянь снова посмотрел на Чи Шэня. — Мальчишка выглядит смышлёным. Но что ценнее — в нём чувствуется стержень и редкая стойкость.

Хваля ребёнка, маркиз не спускал глаз с Дао Цзуна. Как мастер, он видел, что старик и мальчик лишены и капли сокровенной энергии, но если ребёнок казался просто обычным смертным, то старик пугал своей бездонной, пустой глубиной. «В тихом омуте черти водятся», — мелькнула мысль у Сян Динтяня.

— Раз уж ты вернулся, — продолжил маркиз, — тебе негоже обходиться столь малым числом слуг. Я распоряжусь, чтобы в дворик Цютао, который уже давно приведён в порядок, прислали людей.

— Дворик Цютао... — Сян Тянью прищурился. — У вас отличная прозорливость, отец. Вы словно знали, что однажды я вернусь.

— Мы одной крови, как ни крути. Прежде я был слишком занят государственными делами и забросил домашний очаг, но с годами стал всё чаще задумываться о будущем своих детей. Когда я вспоминал о тебе, моё сердце наполнялось горечью. Теперь же, когда семья снова в сборе, нет ничего лучше! — Сян Динтянь вновь обратился к Чи Шэню: — Сегодня вечером мы устроим пир в твою честь. Раз уж ты признал этого ребёнка братом, значит, отныне он — часть семьи Сян. Приведи его, пусть остальные домочадцы узнают его в лицо. Как твоё имя, дитя?

Чи Шэнь, не дожидаясь, пока заговорит Сян Тянью, звонко ответил:

— Сян Сяобао.

— Ха-ха! — Сян Динтянь, казалось, искренне проникся симпатией к мальчику. — Скажи мне, почему ты меня не боишься?

Чи Шэнь на секунду задумался и ответил:

— Брат часто говорит: благородного мужа можно задеть, но мелкого человека нужно опасаться вдвойне. Я знаю, что вы — господин великой власти и чести. Сяобао — лишь простой простолюдин, у меня нет ничего, что могло бы вас заинтересовать, и я не стою того, чтобы вы тратили силы на моё притеснение. А раз так — мне нечего бояться.

— Хорошо, очень хорошо! Теперь я понимаю, почему Тянью оставил тебя при себе.

Сян Динтянь махнул рукой, и управляющий Цзы Хэн почтительно выступил вперёд.

— Проводи гостей в их покои и проследи за приготовлением ужина.

Цзы Хэн поклонился и отдал приказ двоим слугам, которые тут же повели Сян Тянью и его спутников в сторону дворика Цютао. Когда они скрылись из виду, управляющий тихо произнёс:

— Господин, борьба за Жетоны Разрушения Границ вот-вот начнётся. То, что пятый молодой господин вернулся именно сейчас...

Сян Динтянь оборвал его жестом:

— Если бы он не мог добыть себе жетон самостоятельно, зачем бы я вообще стал с ним разговаривать? Он легко подавил мою Технику Громового Рыка. Уверяю тебя, он вернулся вовсе не ради жетонов.

— Это пугает ещё больше. Если пятый молодой господин всё ещё помнит, как вы безучастно взирали на его унижения в прошлом, боюсь...

— Он уже давно перерос подобные обиды. С таким кругозором, как у него, мелочная месть его не интересует. Если он и вернулся, то лишь потому, что поместье Сян может быть ему чем-то полезно. Цзы Хэн, ты служишь мне тридцать лет, но твой взгляд на людей всё ещё слишком узок.

Управляющий низко склонил голову:

— Господин зрит в корень, мне до вас далеко.

— Ладно, я не виню тебя. Тянью всегда был одарён, я это знал. Но раньше он был нелюдим и робок, а теперь... — Сян Динтянь замолчал и тяжело вздохнул, в его глазах отразилась усталость. — Из всех детей лишь Тяньчун по-настоящему мне по душе.

— Старший молодой господин — истинный дракон среди людей. Господин, раз пятый молодой господин занял дворик Цютао, слухи по задним дворам разлетятся вмиг. Чтобы женщины не начали строить домыслы, я пойду и поговорю с госпожой Ань.

— Иди. Ты знаешь, что говорить.

***

— Госпожа, наложницы собрались снаружи. Хотят перемолвиться с вами парой слов.

Госпожа Ань промокнула губы платком, оставив чашку чая, и усмехнулась:

— Подумаешь, вернулся один из сыновей, а они уже потеряли голову от тревоги.

Молоденькая служанка с живыми, миндалевидными глазами подхватила платок:

— Будете принимать их, госпожа?

— Зачем они мне сдались? У меня и без них забот хватает. К тому же маркиз поселил пятого молодого господина в дворике Цютао — его воля ясна как день. Любая, у кого есть хоть капля мозгов, сейчас должна тихо сидеть в своих покоях. А если они только теперь почувствовали страх, то уже поздно.

— Добрая госпожа, а чего этим наложницам бояться пятого молодого господина? Неужели они когда-то причинили ему зло?

Служанка была дерзка, но Ань Су не только не рассердилась, а лишь мягко улыбнулась:

— Зло или нет, но твоему длинному языку лучше помалкивать. Думаешь, если ты служишь при мне, никто не посмеет тебя наказать?

Этой девушке было лет пятнадцать; изящные брови, нежные губы и безупречная кожа выдавали в ней скорее благородную девицу, чем служанку. В её движениях сквозила грация, а в глазах светился острый ум.

— Кто посмеет тронуть меня, кроме господина и вас? Уж точно не эти наложницы, которые только и умеют, что вышивать да сплетничать. Если они сунутся ко мне, я просто сбегу из поместья, и поминай как звали!

С этими словами она щёлкнула пальцами, и стоявшая поодаль на полке драцена качнулась, хотя в комнате не было ни сквозняка. Девчонка явно обладала врождённым талантом к боевым искусствам.

— Твой нрав точь-в-точь как у пятого молодого господина, — рассмеялась госпожа Ань, коснувшись лба служанки. — Ты попала в этот дом пять лет назад и не знаешь, что здесь творилось. Он родился без матери, маркиз его недолюбливал, и, конечно, нашлись те, кто намеренно отравлял ему жизнь. В итоге он поступил так же, как ты грозишься — избил обидчиков и исчез на шесть лет. И вот сегодня он вернулся.

— Вот оно что! Теперь я просто обязана познакомиться с ним поближе.

— Полно тебе болтать. Иди, передай наложницам мои слова.

Служанка присела в поклоне и упорхнула. Ань Су откинулась на мягкие подушки и погрузилась в раздумья.

***

Вечерний пир накрыли на два стола. Сян Динтянь занял место во главе главного стола. По обе стороны от него расположились первая жена Ань Су и старший сын Сян Тяньчун. Рядом с Тяньчуном сидела его сестра Сян Юньжо, а далее по старшинству: Сян Тяньчэнь, Сян Тяньхун и Сян Тяньцзюэ. Замыкали стол Сян Тянью и Чи Шэнь. Наложницы и остальные дочери обедали за вторым столом поодаль.

Когда служанки разлили вино по чашам, Сян Динтянь произнёс сурово и веско:

— Сегодня в нашем доме праздник. Мы не собирались всей семьёй уже шесть лет. Пусть эта чаша вина станет знаком приветствия для моего сына Тянью.

Третья наложница, Цзиньчунь, украдкой подала знак своему сыну, четвёртому молодому господину. Сян Тяньцзюэ, бросив косой взгляд на сидящего рядом Сян Тянью, обратился к отцу:

— Батюшка, простите мне мою дерзость, но этот Сян Тянью тогда ранил...

— Тянью — младший среди вас, — оборвал его Сян Динтянь, и в его голосе загрохотал гром. — Даже он сумел повидать мир и закалить свой характер. Неужели вы собираетесь и дальше цепляться за старые обиды? Тянью — твой пятый брат. Разве учитель не наставлял тебя в братской почтительности? Как ты смеешь называть его по полному имени!

На Тяньцзюэ обрушился яростный гнев маркиза. Он побледнел и поспешил извиниться. Цзиньчунь за соседним столом испуганно вжала плечи в кресло, не смея больше поднимать глаз.

Остальные замерли в тишине. Сян Тянью же ответил с лёгким вызовом:

— Четвёртый брат всегда был прямолинеен, это похвально. Что же касается дел прошлого... признаться, я их уже и не помню. Должно быть, это были сущие пустяки. Не стоит ворошить старое, пусть все недоразумения исчезнут вместе с этим вином. Пью первым!

Он осушил чашу одним глотком. Братьям, сёстрам и наложницам не оставалось ничего другого, кроме как встать и последовать его примеру. Сян Динтянь удовлетворенно кивнул и добавил:

— И ещё одно. Рядом с Тянью сидит Сян Сяобао, его названный брат. Я увидел в нём добрые задатки и решил признать его своим приёмным сыном. Вторая чаша — за Сяобао. Пусть мы не

одной крови, но отныне он носит наше имя, и вы должны относиться к нему как к равному.

Маркиз осушил чашу с такой властной непринуждённостью, что никто не посмел возразить. За малым столом наложницы обменивались растерянными взглядами. Они не понимали, почему маркиз стал столь покладист, что признал какого-то безродного мальчишку приёмным сыном. Это явно было жестом особого расположения к Сян Тянью, и лица у многих в тот миг помрачнели.

Когда вино разлили снова, Сян Тяньчун первым поднялся с места. Он вежливо поднял чашу в сторону Сян Тянью и Чи Шэня:

— Пятый брат, шестой брат. Надеюсь, в будущем мы станем одной душой и будем вместе помогать отцу.

Ань Су тонко улыбнулась. Остальные, словно очнувшись от наваждения, поспешно вскочили. Сян Тянью взял чашу Чи Шэня и сказал:

— Шестой брат ещё мал. Эту чашу я выпью за него сам. Прошу!

<http://bllate.org/book/17417/1657104>